

Александр ДОЛИНИН

Государственное предприятие «Московский институт теплотехники» (чаще всего его называют сокращенно – МИТ), расположенное на Березовой аллее в столице, занимает в отечественном ракетостроении особое место. За шесть десятилетий здесь создано немало ракетных комплексов и систем, ракетных двигателей на твердом топливе, а в последние годы и различных «изделий» общепромышленного назначения. Главное качество этой техники – простота конструкции, надежность, долговечность. Многие «митовские» образцы в армии уже более 30 лет. И не только в российской.

Техника МИТ – на кораблях, самолетах, на ракетно – артиллерийских установках ВМФ, ВВС, Сухопутных войск. Однако сегодня и завтра института связаны с осуществлением важнейших заказов для Ракетных войск стратегического назначения и ВМФ – ракетных комплексов «Тополь-М» и «Булава» соответственно. Коллективу МИТ делает честь то, что он сумел задолго до подписания международных договоров «угадать» тенденцию в развитии военной техники, жизненный цикл которой исчисляется несколькими десятилетиями.

- Так уж случилось, - говорит генеральный конструктор и директор МИТ Юрий Семенович Соломонов, - что облик создаваемого нами ракетного оружия – мобильных комплексов с твердотопливными ракетами – с самого начала был предметом острых дискуссий. У нас было свое видение места ракетно – ядерного оружия в мире, свое понимание того, как оно должно выглядеть. Жизнь показала, что во многом мы

оказались правы. Мы всегда старались дать армии то, в чем она нуждалась.

Сегодня в один ряд с шахтным «Тополем-М», как говорилось выше, встал на боевое дежурство его модернизированный теперь уже (в отличие от «Тополя») восьмиосный собрат. Следует сказать, что идея водрузить мегатонны тротилового эквивалента на колеса возникла давно, и не случайно она реализована именно в МИТе.

- Комплексы с ракетами средней дальности и межконтинентальными, - вторит младшему брату - Генеральному - его заместитель Лев Семенович Соломонов, - конструкторы изначально стремились создавать подвижными, как всякое оружие вообще. Начиная с первой отечественной ракеты Королева Р-1, они существовали в полумобильном варианте.

Первые ракеты, находившиеся в стационарных наземных укрытиях или на глубине нескольких десятков метров, одинаково уютно чувствовали себя в наземных «одноэтажках» и подземных «высотках». Стартовая позиция с соответствующими сооружениями, надежным «забором» с током в тысячи вольт напоминала этакую ракетную деревушку, недосягаемую для противников. Но менялись времена.

В космосе повисли всевидящие спутники. К тому же установленные в годы «холодной войны» в Европе «Лэнсы» и «Першинги» свободно могли накрыть нашу страну вплоть до Урала. Подлетное время их исчислялось минутами. «Деревушки» стали уязвимы. И эти обстоятельства наряду с другими вынудили наши конструкторов подумать, как придать ракетным комплексам большую живучесть. Она виделась в подвижности.

Эту сложнейшую задачу МИТ решил достаточно быстро, поскольку конструкторы института занимались проблемой давно. Еще в 1965 году они создали твердотопливную ракету мобильного назначения на смесевом топливе. Работа проходила под руководством Александра Надирадзе.

Позднее по решению правительства Министерство обороны организовало конкурс на лучший проект мобильной (уже межконтинентальной) баллистической ракеты. Конкурс выиграл МИТ. Надирадзе и его коллективу была поручена разработка твердотопливной МБР для подвижного грунтового комплекса. Проект назвали «Темп-С».

С самого начала Надирадзе отверг вариант гусеничного движителя, хотя именно на танковых шасси и базировались многие мобильные комплексы обычного оружия. Ни один прибор системы управления ракеты танковой тряски не выдержал бы. Были и аргументы в пользу создания колесного тягача.

Ракетовоз, способный возить тяжелую ракету, оснащенную к тому же многочисленными системами жизнеобеспечения, управления и контроля, могло создать, по оценке Надирадзе, конструкторское бюро Минского автозавода. К главному конструктору этого КБ Борису Шапошнику и обратился генеральный конструктор. Шапошник создал многоосный ракетовоз МАЗ-547 уникальной конструкции, способный по бездорожью доставлять на стартовую позицию ракету массой свыше 30 тонн. (Ныне, когда современный ракетный комплекс производится исключительно ракетной кооперацией КБ и заводов, шасси для мобильного комплекса поставляет таки Минский завод).

В конце февраля 1976 года в районе Плесецка два ракетных полка, оснащенных «Темпом-2С», заступили на боевое дежурство. Договор о ракетах средней и меньшей дальности, подписанный в 1987 году, официально квалифицировал этот комплекс как неразвернутую систему. О нем даже не все ракетчики знали.

В 1971 году Надирадзе приступил к созданию нового комплекса, который получил название «Пионер». В основу его положили первую и вторую ступень почти готового к этому времени межконтинентального «Темпа».

«Пионер» - мобильный грунтовый ракетный комплекс с двухступенчатой баллистической ракетой средней дальности. В августе 1976 года его поставили на боевое дежурство в Белоруссии. Ракетчикам-практикам это «изделие» понравилось, но по уже упоминавшемуся договору о РСМД комплекс ушел в небытие. В Капустином Яре взрывали «Пионеры» в связке по две-три ракеты, чему автор был свидетелем.

… Мне кажется, что имя академика Александра Давидовича Надирадзе потихоньку предается забвению. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии он и при жизни был «в режиме умолчания». Тогда – понятно, сейчас – непростительно.

Спасибо Михаилу Федоровичу Реброву, который успел приоткрыть завесу тайны вокруг имени и дел неистового Надира.

Сотрудники бывшего «почтового ящика 2227», нынешнего МИТа, который создал

Надирадзе, уйдя от Челомея, и впрямь называли Александра Давидовича за глаза либо «директором», либо просто: «Надир». Приемная директора никогда не пустовала: не потому, что к нему было трудно пробиться – ходоков было много. Выслушивал каждого,пустых обещаний не давал, знал всех в лицо, называл по имени и отчеству. Панибратства не терпел, мат ненавидел, к любой неряшливости относился брезгливо.

Всегда свежая рубашка, аккуратно завязанный галстук, отутюженные брюки, блеск начищенных ботинок выдавали его за этакого интеллигента-аристократа. Им он и был. Родился и вырос в учительской семье (мать русская, отец грузин), получил хорошее воспитание, энциклопедические же знания и умение работать руками добыл сам.

Подчиненные не могут припомнить случая, чтобы он приехал на работу позднее установленного времени, перенес намеченную встречу, без причин отложил планируемый испытательный пуск.

Любил «нестандартных» людей, оценивал по заслугам, и они тянулись к нему. Интересно же работать с теми, кто переполнен идеями, опережающими время на 15-20 лет, и кто умеет превращать эти самые идеи в конкретные инженерные решения.

Любопытный факт: в 1964 году Королев в знак признательности и заслуг Надирадзе подарил ему символический пропуск на Луну.

…3 августа 1987 года утром генеральному конструктору Надирадзе доложили, что готов фильм о пусковой установке. Он попросил организовать показ на час дня. Должен был ехать в министерство. В машине ему стало плохо. В ней он и умер. Хоронили Александра Давидовича на Новодевичьем кладбище.

***

В 1984 году президент США поведал миру, что у Советов появился «Тополь». В действительности еще в июле 1977 года началась разработка этого комплекса. Главным конструктором был утвержден все тот же Александр Надирадзе. После его смерти работу над комплексом возглавил Борис Лагутин. В июле 1985 года первый полк мобильных «Тополей» заступил на боевое дежурство под Иошкар-Олой, позже – в Тейково Ивановской области, откуда шесть «тополиных» установок ходили на последний в советской истории военный парад в Москве.